Сафари
НА НЕВЕСТУ
Маргарита Ардо

Из жизни переводчиков

Маргарита Ардо

Как до Жирафа 2. Сафари на невесту

«Автор»
2019

Ардо М.

Как до Жирафа 2. Сафари на невесту / М. Ардо — «Автор», 2019 — (Из жизни переводчиков)

Жизнь меняется. Иногда к лучшему. Я была одинока, теперь у меня красивый жених. Я была сиротой, и вдруг нашлась семья моего отца. Впереди отпуск, знакомство, выбор подвенечного платья и подготовка к свадьбе. Разве это не прекрасно? Прекрасно, волнительно, радостно! До тех пор, пока в процесс не вмешивается бизнес, наследство, поклонники, приверженцы традиций и прочие недоброжелатели…

© Ардо М., 2019
© Автор, 2019

Содержание

1 5
2 10
3 15
4 20
5 24
6 27
7 30
8 34
9 37
Конец ознакомительного фрагмента. 39

Маргарита Ардо
Как до Жирафа 2. Сафари на невесту

1

– Катя, ну Катя! Ты же ходячая катастрофа! – выдохнул старший закупщик Сергей, с чудовищным восхищением глядя на меня и на оторванную дверцу холодильника на полу нашей корпоративной кухни.

Грохот и звон ещё стоял в моих ушах. На руках кожа вздыбилась мурашками. Большинство сотрудников «Жирафа», подтянувшихся по обыкновению за сливками к кофе, лимончиком и плюшками, без которых с утра не выжить нормальному человеку в офисе, стояли рядом и оторопело смотрели на растекающееся по полу молоко, осколки и прочее безобразие. Лица коллег были вытянутые, глаза круглые.

Ну почему последний день перед отпуском должен был начаться именно так?!

– Я приберу… – пробормотала я, покрываясь холодом от смущения и продолжая сжимать ручку от дверцы в своей руке.

Не холодильник, а пластиковый конструктор какой-то… Я только открыть хотела. Кто так строит?..

– Где все?! – раздался позади недобрый утренний рык.

В кухню заглянул Андрей Викторович. Наш начальник. Тиран, сын тирана. Мой Андрюша.

Как всегда, самый красивый на свете. С тортом в руках, в костюме от Хьюго Босс, с ярко-голубыми глазами, идеальным носом, модной стрижкой на каштановых волосах и с пластырем на чисто выбритой щеке. Нет, это не я его так, честно!

Шеф зыркнул на последствия моего заглядывания в холодильник, подумал то же, что и Сергей, плюхнул огромный торт на стол и рявкнул начальственно:

– Нечего тут устраивать демонстрацию! Вы на работу пришли, а не в цирк! Варя, вызови уборщицу! Аня, Сергей, Максим, ко мне в кабинет! – Развернулся и пошёл чеканными шагами к лестнице, добавив на ходу: – Кофе потом попьёте!

Все посмотрели на меня, как на врага народа.

Кофе. Утром. В понедельник. Потом?!

Их мир никогда не станет прежним. Первая оторопь прошла, народ зашевелился. Я, наконец, разжала пальцы и рассталась с ручкой от дверцы.

– Как ты с ним живёшь? – спросила ассистентка отдела Варя с фиолетовыми волосами и кольцом в носу.

– Царевич и дома так орёт? – поинтересовался Сергей.

– Надеюсь, руки не распускает? Жалко тебя, – буркнула Марина из бухгалтерии. – В Англии манерам его не научили, значит, уже никто не научит. Вон даже торт принёс и бросил! Как собакам, честное слово…

– Я теперь даже пробовать не буду! – кивнул Сергей.

– Угу, тем более без кофе… – вставила Анжела.

– На самом деле он хороший! – подала голос я, растерянная и одинокая в своём непопулярном мнении.

– Торт или царевич? – уточнила Лариса из кадров.

– Оба… – Я подняла с пола крупные осколки от бутылки из-под молока и додумала: просто день не задался не только сегодня. Знали бы они, что вчера было! Ой, что было… Мне до сих пор слегка дурно.

– А я б добровольно не вышла замуж за такого вампира! – сказала кому-то Люся, удаляясь по холлу опенспейса.

– На что только не пойдёшь ради ипотеки, – раздалось уже из коридора ей в ответ.

– А на вид казалась приличной…

И зачем мне только Бог послал абсолютный слух?!

Хотелось крикнуть на весь офис: Люблю я его! Просто люблю!

Не поймут. И с этими людьми я провела пять лет моей жизни!

Я надулась на лужу с молоком, как мышь на тамагочи. С той минуты, когда все узнали, что я выхожу замуж за Андрея Виктровича, отношение большей части коллег ко мне изменилось так, как если бы Штирлиц признался компартии, что Мюллер душка и что с ним уютно играть в шашки в свободное от Гестапо время.

Дома Андрюша и правда милый! А на работе он мне жизнь не упрощал. Вот что ему стоило сказать всем: «Угощайтесь, дорогие коллеги, это от нас с Катей»?! Это же так просто! И улыбнуться! У него ведь такая улыбка красивая!

Но уже утром Андрюша мне заявил, что не любит делиться едой. Можно подумать – сникерсов в детстве не доел! Мы немного повздорили. Я собралась идти пешком сама забирать огромную коробку из кондитерской, он дёрнулся и порезался бритвой. Пришлось заклеить пластырем и смиренно ждать. Его бурчание я простила, тем более что как-то всё в последние дни не складывалось. Может, я и в самом деле ходячая катастрофа? Чашку его любимую разбила, наступив на кухне на детальку от Лего, рубашку дорогущую утюгом прижарила. В ЗАГС нормально сходить и то не удалось.

А вчера мы нанесли визит его папе, владельцу торговой сети «Жираф», Виктору Геннадьевичу Гринальди. Как вспомню о нём, так снова шевелятся волосы на затылке. Недаром у меня перед «гостями» подсознательно болел живот, рука тянулась за градусником и медицинским справочником, чтобы достоверно симулировать малярию или коклюш, хотелось как-нибудь не больно попасть под машину или оказаться слегка арестованной, лишь бы избежать неизбежного. Но назвался невестой, полезай в кузов… Рэнд Ровера.

Готовилась я долго, как на бал. Я красилась, периодически стирая губную помаду со лба и щёчек Машеньки. Это Андрюшино трёхлетнее кудрявое чудо, немного похожее на меня. Я делала укладку, выплетая тут же за Машей из собственных кудрей ленточки, бусинки и непонятно откуда взявшийся пластилин. Наглаживала оборки нового шёлкового малинового платья, понимая, что надо было купить такое же детское, потому что Маша крутилась рядом и требовала тоже быть принцессой. Еле уговорила её надеть своё, розовое с пышной юбкой и бабочками на пояске. Она согласилась выйти из дома только с короной. Тут же уронила её, наступила и сломала. Пришлось соорудить диадему из собственных бус. И мы поехали.

В роскошных апартаментах нас встретила потрясающе красивая мачеха Андрея Надя. Её прекрасно одетые мальчики лет одиннадцати целых пять минут вели себя прилично, а Виктор Геннадьевич где-то четверть часа улыбался. Машеньке. При взгляде на меня он отчего-то очень быстро становился суровым. Я уже начала думать, что у моего будущего свёкра аллергия на малиновый цвет или что у меня на носу вырос отвратительный прыщик.

Андрей шутил и вёл себя естественно.

Надя расспрашивала меня о жизни, погоде и предстоящей поездке в Грузию, а Виктор Геннадьевич был подозрительно молчалив. Жюльен, лазанья и киш с лососем в рот не лезли. Очень хотелось спрятаться под стол.

Всё-таки что ни говори, а есть в каждой шоколадке прогорклый орех и лишние калории. Выходишь замуж за красивого, богатого, умного мужчину и забываешь, что у него есть ещё более богатый, умный отец. Владелец фирмы, в которой вы работаете. Старший в пищевой цепочке. Брр…

Кажется, выбор Андрюши Виктору Геннадьевичу не нравился. Хотя первые дни он не бурчал, даже пару раз улыбнулся по-доброму, а потом вдруг помрачнел и пригласил нас на семейный ужин.

– Вы заявление так и не подали? – спросил он, отложив вилку и вытерев белоснежной салфеткой рот.

– Подали, – улыбнулся Андрей, – но не в районный ЗАГС. Там канализация прорвала, было закрыто. В том, что по соседству, подложили бомбу… Телефонный терроризм.

– Так в какой же? – Виктор Геннадьевич уставился на меня.

– В центральный, – робко ответила я. – Только придётся ждать три месяца, очень большая очередь. На сентябрь удалось записаться…

– Это хорошо, – буркнул Виктор Геннадьевич. – Вообще лучше было в сентябре и подавать. Торопиться со свадьбой не надо. Кота завести, и то стоит всё взвесить, обдумать, а тут…

Андрей хмыкнул:

– Пап, речь не о коте.

– Вот именно. – Старший «Жираф» зыркнул на сына, на меня. – Один раз ты уже поспешил!

Я уткнулась глазами в улитку в бургундском соусе: неужели опять вспомнит неудачный Андрюшин брак?

– Пап, не начинай! – отрезал мой царевич.

– А кто тебе скажет правду? – с нарастающим громом в голосе ответил отец. – Вы с Катериной знакомы сколько? Три месяца?

– И две недели.

– Разве это срок для принятия решения? Иногда за десятилетия человека не понять! Или приходится мучиться всю жизнь!

– Так ты хочешь, чтобы мы лет восемьдесят присматривались друг к другу и в доме престарелых расписались, наконец? Или тоже рано? Точно! Лучше на смертном одре: «и только смерть разлучит нас». Опа, бац! Я умер. Вот и не помучился, ура! – заявил Андрей.

– Не паясничай!

– Не командуй! Я сам решу!

– Это ты назло мне!

– Мир – это не только ты и твой «Жираф»!

– Вот! – Нож и вилка со страшным звоном упали на тарелку Виктора Геннадьевича. – Я так и знал, что ты ни во что не ставишь семейное дело! Наследник! Ты! Мой!

– У тебя ещё двое есть, – поджал губы Андрей.

Как специально, пара взъерошенных наследничков вбежала в мраморную столовую с диким ором, стреляясь друг в друга индейскими стрелами на присосках. Одна угодила Виктору Геннадьевичу в тарелку. Тут же вбежала Маша с мечом, близнецы бросились от неё. Вопящая детская толпа пробежала по дивану и скрылась под аркой в гостиной.

Рановато им о наследстве думать, да… Хотя Виктор Геннадьевич ещё не старый. Как на залысины волосы пересадил, так вообще молодым стал выглядеть. Почти… Он поднял стрелу с отвращением, сморщился и передал спокойной, как танк, Наде.

Воцарилась пауза.

– Ты должен понимать свою меру ответственности, – наконец, выговорил отец. – А ты вместо того, чтобы лететь на переговоры в Китай, собрался ехать с Катериной в Грузию!

– Познакомиться с её семьёй тоже надо, – буркнул Андрей.

– Сначала дело!

– А жизнь потом?

И они снова завелись.

Я ужасно боюсь конфликтов! Не выношу таких неловких ситуаций! Я – человек интеллигентный. Сколько лет сидела в тихом углу, и вот попала… Я слушала их яростную перепалку, ковыряя пальцем край скатерти, и боялась поднять глаза. Наследство, продажи, переговоры, бюджет, налоги, прибыль и развитие компании, и всему этому, кажется, мешала наша свадьба. Чем? Я же человек скромный и спокойный! Мышь не задавлю и паучка не обижу! Тем более Андрюшу… На языке вертелось, что я не собираюсь мучить и угнетать, я вообще люблю его!

Но встревать в битву двух тираннозавров я не решалась и, дыша через раз, очень завидовала влезшей под диван в гостиной Маше. Отсюда мне были видны её пяточки в розовых колготках. Наконец, Андрей психанул окончательно. Резко встал, вытащил Машу из-под дивана, сгрёб под мышку и рявкнул:

– Катя, мы уходим!

Я робко поднялась, уронила стул, раскланялась, заикаясь благодаря за ужин и приглашение, и попятилась к выходу. Андрюша был бледным и сердитым.

Я погладила его по плечу.

– Ничего, послезавтра отпуск…

– От семьи отпуска не бывает.

Что тут скажешь? Он прав.

Утром Андрюша всё ещё был не в духе и порезался. А тут я с этим холодильником – действительно, настоящая катастрофа!

Мне было страшно: завтра лететь в Тбилиси – знакомиться с моей семьёй, о которой я до недавнего времени и не слышала. С бабушкой, дядями-тётями, кузенами и кузинами, племянниками и племянницами. Поверить не могу, что моя фамилия Кавсадзе, ведь до сего дня я жила как Катя Кутейкина! А вдруг знакомство с ними тоже окажется не таким весёлым? Или я чему-то ужасно помешаю? Какой кошмар!

Я вздохнула и, закончив помогать уборщице, отправилась на своё рабочее место. Едва я села на протёртое кресло, ткнула на кнопку монитора, как рядом послышались шаги. С самым загадочным выражением лица ко мне приблизилась Олечка, секретарь Виктора Геннадьевича. Она положила стопку документов на край стола, а затем подалась ко мне, улыбаясь, словно узнала, что я сижу на стуле с сокровищами. Нет там сокровищ, я точно знаю. Есть только пятно от йогурта.

– Кать, скажи, а ты правда богатая наследница? – спросила вдруг Олечка.

– Я?!

– Ага, – с таким же восторженно-секретничающей улыбкой ответила она. – Я никому не скажу, честно-честно!

Я моргнула.

– С чего ты вообще это взяла?

– Ну… – хитренько потупилась Олечка, – я в пятницу вечером случайно ткнула на кнопку коммутатора, и услышала, как Виктор Геннадьевич разговаривает с твоей бабушкой. И узнала. Я, правда, случайно.

– Что именно узнала? – облизнула я пересохшие губы.

– Ну как что? То что твоя бабушка делает тебя основной наследницей компании «Санатрело». Я в Интернете из любопытства посмотрела – это же целая винная империя! Заводы, виноградники, сеть магазинов… Не то что наш «Жираф»!

Мне стало нехорошо. Про завод я слышала. Кстати, тоже вчера утром, впервые в жизни увидев свою бабушку по Скайпу, но вот про наследство… Хм.

– Олечка, а ты не ослышалась?! – сглотнув, спросила я.

– Да нет же! Шеф так и переспросил: «Катерину нашу? Кутейкину?» И аж подскочил. Ну Кать, не смущайся! Я правда никому не скажу, – просияла Олечка так, что я поняла: скажет,

не удержится. – А ты привезёшь мне вашего вина? Грузинского, а? Или ты вообще больше в Россию не вернёшься? Будешь бизнес осваивать?

Она смотрела на меня, я на неё так, словно меня по голове бочонком вина ударили. А я вина вообще не пью. Я пьянею быстро и веду себя неприлично.

Но, позвольте, что же, выходит, я не невеста с ипотекой, а невеста с приданным?! Гамарджоба, генацвали!

2

Моему отцу стоит отдать должное: если он решит кому-то устроить персональный ад, он его устроит по первому классу. С котлами, огненной лавой, шантажом, пытками и адским рёвом вдогонку. Иногда думаю, что его не на военные сборы по молодости забирали, а на экспресс-курс «Сам себе демон». Отец нигде не церемонится.

Дома с ролью младших чертей прекрасно справляются два моих братца, которые вечно орут, ноют, требуют своё, и приходится периодически уклоняться от летящего в твою сторону мяча, стрел или плюшевых злых птичек Angry Birds, зачем я только привёз их в подарок? Думаю, на табличке нашего семейного гнезда надо было написать не номер, а что-нибудь типа «*Преисподняя Гринальди. Заходите, поджарим*».

Только у Нади, моей мачехи, хватает спокойствия всё это пережить и не свихнуться. То ли у неё фильтры бронебойные, то ли слух плохой. Склоняюсь ко второму, потому что когда отец начинает орать, Надя и ухом не ведёт. И в это воскресенье так же, когда отец завёлся, хоть ничего и не предвещало…

А у меня зла на него не хватало! Ладно я, мне не привыкать. Всю жизнь живу под паровым катком, освоился и даже умудряюсь отбиваться. Но Катю в такое втягивать?! Она же ромашка совсем… На званом ужине у отца сидела, втягивала шею и уши прижимала, как испуганная кошка. Вот куда её в нашу крейзи фэмили без артподготовки и психоанализа?

Я-то думал, всё будет чинно, благородно, знакомство поближе, не как с сотрудницей, а с будущей невесткой. Улыбки, уси-пуси и прочая милота. Но нет же! Очередная коррида.

Честно говоря, мне и в голову прийти не могло, что отец взбеленится против нашей свадьбы. С чего бы? Вроде сам раскрыл карты, сам сказал, что Катя – дочь его погибшего друга юности, сам её родственникам позвонил. Кажется, сиди, радуйся: справедливость восстановлена, ностальгируй, фотки показывай из студенческого альбома. Правда, от него почти ничего не осталось – мама подпалила в сердцах, когда они разводились.

В общем, ни фотографий, ни праздника вчера не случилось. Забродили неведомые дрожжи, и чёрта снова вспучило.

– Не торопись! Проверь! Отложи! Уже дров наломал!

– Сам решу! – огрызался я и даже нападал.

По большей части, чтобы Катя видела: я на её стороне, на нашей! И мне всё равно, что там говорит отец. Пусть не пугается, нежная моя девочка. Ночью обнял её, притянул к себе, целуя. А она вся напряжённая.

– Давай не сегодня? – говорит.

Ну, давай. Я понимаю, что вечер с Гринальди можно приравнять к выживанию в катастрофе. Погладил её пушистые волосы, атласную кожу. Поразительная она! Взрослая женщина и котёнок одновременно. В ней меня всё удивляет. Словно она из другого теста, а может, даже с планеты. Изучать не переизучать…

Катя свернулась калачиком, повздыхала и заснула, а я ещё полночи втыкал в потолок, прокручивая скандал в голове. Утром Катя мне про торт на работу, а у меня сверло в висках: снова в кабинет к отцу, снова в бой. Какой, нафиг, торт? Порезался даже. Маруська под руку подвернулась, рыкнул, не удержался, она расплакалась. Катя вздрогнула, бросилась её успокаивать, глядя на меня, как на врага народа. И у дочки глаза такие же! Сговорились! Я ещё больше рассердился: у меня нервы не железные.

Но бой не задался. Отец на собрании на меня особо не смотрел. Дулся. На работе весь день завал. Продажи рухнули, товароведы обнаглели, закупщики расслабились, Катя оторвала дверцу холодильника…

Отец мимоходом в коридоре швырнул в меня фразой:

– И ты снова откладываешь командировку. А «Карандаш&Ручка» ничего не откладывают. Имей в виду, поставщик уйдёт, видя такое отношение. Только тебе что? Ты сбегаешь. Ты же можешь гордо устроиться на работу к конкурентам и плюнуть на дело отца. Ну-ну…

Очень горько прозвучало и необычно тихо. Я даже его услышал. Посмотрел, не моргая, в спину старику. Какой-то он не такой был сегодня.

И тут понял: а ведь и правда, в первый раз я отложил переговоры из-за нелётной погоды у нас, второй – из-за землетрясения у них. Теперь опять срываю встречу. Билеты куплены, забронировано всё. Разумно ли это? Правильно ли? Никто не знал, что у Кати обнаружится бабушка в Тбилиси, и ей втемяшится прислать во вторник за внучкой самолёт. Именно в этот вторник, ни в какой другой.

А потом ещё и Надя позвонила:

– Андрюш, я знаю, что твой отец не сахар. Но ты, пожалуйста, немного потише с ним разговаривай. По крайней мере, постарайся. Мы вчера после вашего ухода скорую вызывали – давление подскочило под двести.

– Вот чёрт!

– Да, Андрюш, – вздохнула Надя.

– Но ведь ты должна меня понять, почему я…

– Я понимаю. Ты влюблён. Девушка замечательная. Тонкая, интеллигентная, красивая! Мне очень понравилась.

– Спасибо!

– Ты просто не гони коней, а я как-нибудь потихоньку склоню Витю на вашу сторону. Три месяца у нас в запасе. Ты же знаешь, я умею.

– Да, ты гений в этом, – улыбнулся я, не кривя душой.

Помимо того, что Надя красавица, моложе отца лет на -дцать, подозреваю, что она ещё и королева постельных манипуляций. Глядя на то, как широко отец тратит деньги на неё и близнецов, просто диву даюсь. Он же всегда был прижимистым. Но плюс в том, что мачехе на него было не плевать.

– Почему он так взъелся вдруг? – спросил я.

– Выясню, но попозже. Я сама удивилась. Может, опять довелось столкнуться с родственниками твоей бывшей жены?

– Да нет, вряд ли. Вроде бы только всё уладили. Томагавки зарыли.

– Вот и поживи спокойно.

– Я ведь ссору и не начинал…

– Не начинал. Ты молодец. А с Витей я проведу работу. Главное, чтобы его не хватил инсульт раньше времени, – умиротворённо добавила Надя. – И потому, Андрюша, ты будь потише немного. Хотя бы временно. Ты же знаешь, что он тебя любит, полюбит и Катю…

– Угу, любит, но «странною любовью», – ехидно хмыкнул я.

– Ну, а что в нашем мире можно назвать нормальным? Или кого? – судя по голосу, улыбнулась Надя.

Я посмотрел в потолок, задумавшись. Ответа не было. Пожалуй, даже у гастарбайтеров, установивших эти плиты Армстронг, имелись шикарные тараканы в мозгу. Иначе зачем было рисовать сиськи в правом верхнем углу у плинтуса? Хм, не видел раньше. Надо сказать уборщице, чтобы стёрла.

– Ладно, уговорила. Урежу марш.

* * *

Я думал весь остаток дня. Вечером увёз Катю с работы пораньше, мы забрали её загранпаспорт, заказали ужин из ресторана и поехали домой.

– Наконец, отпуск! – с облегчением выдохнула моя Ромашка, скидывая туфли.

Маруся бросилась к ней навстречу, а потом ко мне. Удивительно быстро они друг ко другу привыкли. Ну, почти… Маруська продолжает прощупывать границы допустимой наглости, и Катя пока без боя сдаёт позиции. До солнечного места на голове осталось совсем не много. Я наблюдаю.

Няня отчиталась, что они погуляли и поужинали. Маруся выдала рисунок из садика, на котором я на полосатом козле с шашкой наголо похищал «кудлявую Катю» из лап кота. Или это был дракон?

Катя умилилась и сказала, что надо поставить в рамочку. Сразу видно – новичок. Маруся столько рисует, что можно было бы уже Третьяковку завесить. Всю.

Я посмеялся и усадил Маруську за мультики. Я вообще не фанат этого дела, но сейчас надо было поговорить.

– Катюш, об отпуске, – постарался я сказать как можно мягче, когда мы сели ужинать.

– Это так прекрасно, правда? – восхищённо сказала она, потянувшись за соком.

Я налил ей жидкого апельсина в стакан и улыбнулся:

– Правда. Но, знаешь, я подумал и понял, что мой отпуск начнётся чуть позже.

– Как это? – сглотнула Катя, глаза её перестали светиться.

Чёрт.

– Видишь ли, отец прав насчёт того, что переговоры в Китае переносить нельзя. Уже три раза переносили. Китайцы хоть и едят лапшу, вряд ли обожают её на своих ушах. Мы ведь договорились.

– Но моя бабушка…

– Да, твоя бабушка, помню. Но Кать, они же не виноваты, что твоя бабушка решила прислать самолёт в тот день, когда я должен был сидеть в другом лайнере? Десять часов, не считая Москвы, только туда, – улыбнулся я. – А потом через три дня обратно. Та ещё попная радость, но, увы, необходимая. Дела сейчас в «Жирафе» не очень. Отец не зря волнуется, у него нюх на кризис. Поэтому, Катюш, давай позвоним твоей грузинской бабушке и скажем, что ты прилетишь немного позже. И ей даже париться не надо с арендой суперджетов. Мы сами купим билеты на обычный рейс и сами прилетим!

Катино лицо вытянулось.

– Но это же так неловко! Я уже согласилась…

– Погоди, я слышал ваш разговор. У тебя не спрашивали особо. Сказали: вай, вот так будет. Что нам мешает сказать: вай, нет не так, а эдак?

Катя потупилась, кудряшки поникли.

– Эй! Хочешь, я позвоню сам?

Молчит.

– Кать, Катюша! – позвал я. – Скажи что-нибудь. Я тоже в отпуск хочу! Но ведь правда получается неуклюже. С китайцами, с обязательствами, с отцом…

Она подняла глаза и повторила:

– С отцом?

Ох, не нравится мне её тон.

– Ну да. Я не могу просто забить на него, хоть и рычит. Дело ведь общее, семейное, может, я скоро рулить там начну?

– Ясно… – выдохнула моя Ромашка, окончательно тускнея.

И зачем смотреть на меня так, словно я поймал бабочку и оторвал у неё все крылышки по очереди? Я начал сердиться.

– Ну вот что тебе ясно?

– Всё, – поджала она губки.

– Что всё?

Она опустила глаза и снова их вскинула, я себя аж героем древнегреческой трагедии почувствовал. Отрицательным. Минотавром…

– Я вчера тоже там была. И слышала.

– Я же не о свадьбе говорю! – буркнул я уже на пределе нервов. – Со свадьбой ерунда всё! Я просто не хочу пустить на самотёк семейный бизнес.

– Ах, ерунда? – вспыхнула Катя. – Ты говоришь постоянно: семья, семейный бизнес, семейное дело! А я? У меня вдруг обнаружилась семья! Я почти три года была вообще одна на этом свете! И тут, оказывается, они есть! Они хотят меня видеть! Они меня ждут! Разве это не важно?

– Важно, конечно. Но, малыш, они – это они. А мы как бы мы. Ведь у нас с тобой тоже будет семья. Подумаешь, немного двинутая. Сицилийскую кровь не пропьёшь.

– Будет?.. – её глаза начали наполняться слезами.

– Будет. Ну, я не могу, послушай, не могу лететь сейчас. Хочешь, поезжай сама. А я потом присоединюсь.

– А Машенька?

– Без меня её с тобой никто в страну не пустит, ты ж не мать… – хмыкнул я и тут же запнулся.

Судя по глазам напротив, я опять сказанул что-то не то. Чёрт побери, как сложно сицилийцам с ромашками! Может, отец и прав в том, что мы торопимся? Я люблю её, но уже забыл, как трудно притираться. А тут нас трое… Вдруг снова вся нежность и романтика смоется в унитаз бытом и дрязгами, как с моей бывшей? Я напрягся. Нет, только не это! По вискам затикало. Но в следующую секунду я представил, что Кати нет, и в сердце стало так пусто, что я испугался. Нет, я не хочу даже думать о том, чтобы она исчезла из моей жизни! Что за бред вообще?!

Я встал со стула, собираясь взять её за руки, обнять и свести всё в шутку, признав, что я болван… И вдруг в комнату вбежала Маруся:

– Мапа, мапа, поставь длугой мультик. Мне этот не нлавится!

– Погоди минутку. Мы разговариваем.

– Нет, не буду годить! Хочу сейчас! – топнула ножкой Маруська, встряхнула нагло кудряшками.

– Я сказал «Нет».

Тогда она повернулась к моей Ромашке и заявила требовательно:

– Катя, тогда ты поставь мне мультик!

– Это ещё что такое?! – возмутился я. – Ты чего себе позволила, а?! Мария!

Маруська обиженно насупилась и поджала губёшки. Но не раскаялась, наоборот. Зыркнула, как истинная сицилийка, у которой кинжал за пазухой. Я только собрался высказать ей, что у нас никто не капризничает и друг на друга не кричит, что мы не у дедушки, как вдруг Катя поднялась и направилась в гостиную.

– Куда ты? – не понял я.

– Я поставлю ей, мне не сложно.

– Нет! – рявкнул я.

Как можно не понимать такого?!

– Ребёнок попросил…

– Не попросил, а нагло потребовал! Ты разве не видишь разницы?! Маруся! Никаких мультиков сегодня больше! Марш к себе в комнату! Я считаю до трёх.

Маруська снова топнула ножкой. Фыркнула, потом схватила Катю за руку и заявила:

– Пойдём со мной!

Бунт, едрить его в качель! А Катя пошла. О нет!

– Катерина, стой! – прорычал я, вскипая. – Мария, без мультиков два дня! Наказана.

– Я плинцесса, – расплакалась Маруська, – а плинцесс наказывать низзя!

И убежала, оскорблённо топотя пяточками по паркету. Катя рванула было за ней, но я поймал её в дверях.

– Нет!

– Она же плачет…

– Ты мне так ребёнка испортишь! Разве ты не понимаешь?! Что ты творишь?! И не смотри на меня так! Это мой ребёнок и я знаю, как её воспитывать! – выпалил в гневе я.

– Ясно… – опять выдохнула Катя и блеклой тенью пошла в коридор.

Что ей опять ясно?

Я поплёлся туда же, пыхтя, как чайник со сломанной кнопкой автоотключения и свистом в мозгу. И вдруг с удивлением обнаружил, что Катя натягивает на себя плащ и вступает в туфли.

– Катя, ты куда?

Моя Ромашка обернулась и посмотрела с таким укором, что захотелось самому себе дать лопатой в лоб. И вдруг она робко улыбнулась.

– Я всё поняла. Твой ребёнок. Твоя семья. Твой бизнес.

И вышла в дверь. Я за ней. За спиной раздался рёв Маруси:

– Мапа! Я ножкой удали-ила-ась!

Да что за день сегодня?! Где та лопата, о которую можно самоубиться?

Кинулся к одной, а другой уже след простыл. О, женщины!!!

3

Я выбежала из подъезда, метнулась за калитку элитного дома, на дорожку сквера и за кустами бузины вдруг остановилась, понимая, что мне некуда идти. То есть совсем. Квартиру я сдала, Агнесса уехала на семинар, на работе я в отпуске. Меня никто не ждёт…

Закапал дождик, поплевывая прохладой в макушку. Я поёжилась, окончательно растерянная. Обернулась на дом, где мне ясно дали понять, что я лишняя. На глазах выступили слёзы. Нет, я никогда не навязываюсь! Это не интеллигентно… Проклятая интеллигентность!

И вдруг тихой трелью зазвенел телефон в кармане плаща.

Он?

Сжалось сердце, слёзы брызнули фонтаном из глаз. Но я тут же утёрла их, увидев на экране «Бабушка Алико». Я поспешно поднесла трубку к уху, подспудно страшась, что неизвестная мне бабушка тоже передумает и отобьёт звонок, а я останусь в вечерней пустоте совсем одна.

– Сердце мой, Кати, это бабушка Алико говорит! – раздалось гортанное и очень кавказское, тёплое-тёплое.

– Здравствуйте, бабушка, – выдохнула я.

– Я по делу звоню, девочка, – радостно ответила она. – Ты прости, я старый, нетерпеливый, так хочу видеть тебя! Так жду, так жду!

Я шморгнула, снова утирая слёзы – ну вот, есть человек на свете, который меня ждёт!

– И я жду нашей встречи, бабушка Алико, – почти прошептала я, не желая выдавать свои слёзы. – Тоже очень!

– Вайме, мой девочка! – растрогалась бабушка. – Так я вот что звоню, дарагой! Я старый, нетерпеливый, и самолёт Суперджет Фалкон уже сегодня за тобой прислал. В вашем аэропорту стоит. Но я тебя не тороплю. Хочешь поспи-и, покушай хорошо, туда-сюда дела поделай, а потом лети ко мне. Только скажи немножко заранее. Пилоту надо диспетчерам план полёта сообщить. Самолёты – это так строго! Вайме!

Я снова оглянулась на дом моего царевича. Стало больно до невозможности, даже дышать трудно. И я прошептала в трубку:

– Я и прямо сейчас могу… Самолёт в Платове?

– Да-да! Вах, радость какой! Сейчас! Вайме! Куда за тобой машину прислать, Кати, внучка? Гига по интернету мигом вызовет. Какой хочешь: красный, чёрный, зелёный!

– Я сама на такси. Спасибо большое!

– Зачем сама? Хотя, – спохватилась бабушка, – делай, как хочешь, сердце мой, Кати! И не сердись на бабушку Алико! Бабушка твой – немножко тиран, вайме…

Ой, ещё один тиран?! – напряглась я. Но бабушка тепло и нетиранисто воркуя, сдабривая каждую фразу «вай ме» и «мой сердце», как перцем баклажаны, объяснила, куда ехать, что делать, кому звонить, точнее, что пилот сам позвонит «дорогой внучка». Главное, доехать до аэропорта, а там уже меня под белы рученьки и в Тбилисо. Я заколебалась немного. Позвонить Андрею не смогла, долго смотрела на его номер в телефоне, а потом просто написала сообщение.

* * *

(Несколько часов спустя)

Моя смска Андрею осталась не отвеченной. А теперь я в режиме полёта, поздно. Меня вдавило в кресло, и заложило уши. Перед глазами мелькала надпись: «Пристегните ремни».

Стюардесса, красивая, в чудной синей форме, как из сериала про миллиардеров, улыбалась мне. Самолёт натужно снижался, протыкая носом облака. На крыле за стеклом в темноте мерцала красная лампочка.

Я летела в Тбилиси. Одна. Он сам так решил…

А слёзы текли и текли.

Меня вряд ли поймёт тот, кому не ставили диагноз «бесплодие» и кому не заявляли подруги, знакомые, соседки да все, кто ни попадя: «Вот роди своего, тогда и воспитывай! Не твой ребёнок!» Да, я родила своего. Мёртвого. И больше не смогу. Поэтому слышать подобное от чужих больно, но пережить можно. Я почти привыкла, обычно не плачу. Однако когда тот, кто так много узнал про тебя и вряд ли успел об этом забыть, тот, кому ты открылась и впустила в сердце, говорит то же самое, это пережить нельзя. Я прощаю многое, терплю бесконечно, оправдываю почти всё. Но это? Не могу.

Есть ли смысл строить отношения, если он поставил чёткую границу: это я, это мой ребёнок – а это ты! Я чувствовала себя так, будто он сказал: «Смотри, мы рядом, за стеклянной, пуленепробиваемой стеной. Люби нас, а если будешь хорошо себя вести, мы ещё и дверь откроем. Но не постоянно, а по вторникам и четвергам. Или каждую вторую субботу месяца, – мы ещё не решили».

Я так не умею. Я открываюсь, выставляю себя на ладони – вот она я, такая и такая. Может, неуклюжая. Может, ходячая катастрофа. Может, чашки бью и дверцы отрываю одним движением руки… Может, просто оттого, что наоборот очень-очень, чересчур стараюсь этого не делать, хочу быть хорошей, нравиться, быть достойной любви? И мне кажется, что я её не заслуживаю. Я в этой жизни не главная, я живу в кредит. Сама себе ипотека…

Да, я не умею сказать что-то важное, не заикаясь от волнения. Не умею одеваться шикарно и нести себя гордо. Не умею требовать, как того хочет Андрей. Но я ничего не таю за пазухой. Я просто люблю. Оказывается, этого мало.

Впрочем, я и не верила до конца, что получится… А сегодня я увидела в глазах моего царевича сомнение. Сожаление о том, что поторопился. Он услышал своего отца и поверил ему, или просто всплыло озарение. Я могу его понять… отчасти. Его экс-супруга Лана рассказывала, что для Андрея дочка – это всё. Я бы тоже хотела разделить с ним это всё. Но он не собирается делиться – вот в чём беда.

Как говорят в Иерусалиме, «Если сомневаешься: «да» или «нет», это всегда «нет». И с сомнением в глазах Андрея мне сразу всё стало понятно. Сердце сжалось: как же я без него, без Машеньки? Но разум холодно ответил: ты приняла верное решение, они и не были твоими.

* * *

Толчок, и шасси встретились со взлётной полосой. За окнами замелькали огни. Я затаила дыхание. А нужна ли я тут? Или здесь просто ждут призрак моего отца?

Самолёт остановился. Мы подождали чего-то. Глупо, конечно, что я прилетела без вещей, но у меня всё равно нет ни одной новой, кроме того малинового платья, на которое Машенька плеснула сок…

Стюардесса ласково проводила меня, и я вышла на трап. В лицо пахнуло тёплым ветерком, напоенным запахом свежести и южных растений. И я тут же широко раскрыла глаза: у трапа лежал красный ковёр, толпились четыре громадных чёрных внедорожника, несколько красивых кавказских мужчин с огромными букетами белых лилий в руках. Невысокая полная женщина в длинных чёрных одеждах, стоящая по центру, расплылась в улыбке и всплеснула руками в умилении. И слева грянул хор джигитов в папахах и национальных костюмах.

Ой, это меня так встречают?!

* * *

Я испуганно оглянулась на стюардессу за спиной – та цвела, как море в Анапе… То есть была слегка зеленоватого оттенка от падающих на неё лучей прожекторов. Но пахла Кензо, а не тиной. Грузинский хор растягивал многоголосием нечто торжественно-ликующее: то ли народный эпос, то ли похороны под лозунгом «наконец-то».

У меня пересохло во рту: поручни с двух сторон, впереди засада, позади грудь в униформе – бежать некуда. Пришлось улыбнуться и осторожно пойти по гофрированным металлическим ступеням вниз. Я сжала ручки сумочки влажными пальцами. Надеюсь, мне не придётся обниматься со всеми этими красавцами? А если все цветы вручат мне, я не перекувыркнусь головой вперёд? Там же ведра на три в совокупности…

– Сердце мой, Кати! – вскричала гортанно полная женщина в чёрном, совершенно ничем не похожая на меня. Лицо круглое, нос кавказский, густые смоляные волосы без особой укладки, на вид лет шестьдесят с хвостиком.

Я моргнула, улыбнулась и подумала, что стоит заказать ДНК-тест, чтобы сразу сильно не радоваться. А то потом опять придётся разочаровываться. Но вслух я сказала:

– Бабушка Алико? Здравствуйте!

– Вай ме, внучка, красавица! – ответила та и больше не стала ждать, бросилась ко мне, стиснула в жарких объятиях.

И я сдалась запаху крепких восточных духов, хмели-сунели и пряников. На большой груди было тепло уютно, и почти поверилось. Поэтому я тоже осторожно обхватила, насколько могла, широкую талию. Хор грянул «Сулико».

Трогательно как…

На втором куплете бабушка, наконец, отстранилась. Сделала дирижёрский жест. И хор свернул рулады.

– Красавица ты! – восторженно произнесла бабушка Алико, разглядывая меня. – Такой красавица!

– Спасибо, – сказала я, краснея до корней волос.

Жгучие джигиты в чёрных костюмах подошли ко мне. Отчего-то подумалось о мафии…

– Добро пожаловать домой, – сказал самый красивый и стройный из них, с тонким аристократическим носом и не менее благородным лбом. – Я – Гига Регвадзе.

– Очень приятно, – смутилась я, принимая от него букет.

– Добро пожаловать в Грузию! – сказал более квадратный, мощный, с пристальным, немного хищным взглядом. – Меня зовут Бадри, я ваш троюродный брат.

Последовали приветствия, имена, лица, улыбки, пока цветов в моих руках не стало столько, что версия с кувырком была близка к реализации. Однако бабушка Алико заметила это и скомандовала:

– Всё! Домой! Букеты в багажник, а то вай, завалили мой девочка. Гига, Отари, помогите.

И меня освободили от цветов. Усадили в первый внедорожник, и, выехав за ворота аэропорта, мы помчались. За окнами мелькали огни, тёмные силуэты гор и деревьев. А я была поражена тем, как все слушаются эту невысокую, совершенно круглую женщину. Она смотрела на меня с такой доброй улыбкой, что я отважилась.

– Можно спросить, бабушка?

– Тебе, мой сердце, всё можно!

– Скажите, а почему, бабушка…

– … у тебя такие большие зубы? – рассмеялась она. – Как в сказка?

Я тоже не выдержала и прыснула.

– Зубы такой, потому что дантист высший класс! – залихватски продолжала бабушка Алико. – А глаз от природы горячий, только книжка читаю с очки. А руки большой – работаю много, бывает, выгоню повара с кухни – сам хинкали леплю. Он во Франции учился, а у меня школа лучше – бабушка и мать. И виноград не погнушаюсь сам собирать и подрезать, чтоб помнил куст руки хозяйка. Но прости, Кати, это я шутка говорить от настроений хороший! Так я рад, так рад! Кровь родную увидел, и мой забурлил, как Арагви в горах, от радости. Не один я больше!

– Но как же, вы ведь и так не одна, – удивилась я.

– На «ты» мне говори, маленький Кати, – похлопала меня по руке бабушка.

– Хорошо, – кивнула я, ещё стесняясь, – попробую на «ты». Но ведь ты не одна, бабушка Алико. Столько вокруг тебя было людей, когда ты мне в Скайпе представляла – дяди, тёти, племянники. Все родные!

– Это так, Кати. Семья Кавсадзе большой. Но я о маленький семья говорю, о ближний круг; о дом. Вдова я. Муж мой, твой дедушка Серго, умер давно-о. Скоро двадцать лет будет. Первенец мой Гела родился и умер сразу. Средний, Эдик, утонул в Кура, зимой на спор с мальчишками переплывал после школа. И всё-ё, – грустно вздохнула бабушка Алико. Подняла на меня глаза. – Одна радость оставался – мой красивый, весёлый Георгий – твой папа, но вот видишь, и он не живой. А всё равно какой же он молодец, мальчик мой, тебя мне оставил! Ах, мой Кати, ты так на Георгий похож! И глаза, и ротик. Прям его в тебя вижу, мой сердце, когда он был маленький, такой нежный! Оттого радость у меня, до неба радость!

Я закусила губу. Глаза бабушки лучились счастьем. Боже, сколько же она всего пережила! Уму непостижимо! И первый малыш, как у меня тоже… Собственные беды сразу меньше показались. И всё-таки я робко сказала:

– И я радуюсь, бабушка. Очень. Но, может быть, стоит сделать тест ДНК, вдруг я не его дочка? Я ведь не знаю этого досконально, а обижать вас… тебя, и обманывать никоим образом не хочу.

– Что ты! Что ты! – всплеснула руками бабушка. – Какой обман, если кровь сразу родня чувствует?! – и погрозила кому-то в окно авто. – Будут у меня знать, какой я проклятый! Я Богом одарен, у меня не только бизнес, у меня вон какой внучка есть!

И я поняла, что тысяча триста сорок тестов не смогут переубедить эту женщину, что я ей никто, даже если это на самом деле так. Может, и не стоит пытаться? Всё равно у меня никого на свете нет. Я, как то дерево в пустыне, к которому пришли Жираф с Жирафёнком, потом передумали и ушли. А я осталась…

Поэтому мысль о том, что у меня есть родная бабушка, даже если не слишком родная, была мне нужна сейчас, как вода в песках. Как же приятно не быть сиротой! Ощущение такое появляется, будто за спиной есть стенка, на которую можно опереться. А, быть может, и даже расслабиться? Хоть бы так и было! Пока я думала об этом, грозное и горделивое лицо пожилой грузинки, обращённое к неизвестным «ним», опять расцвело самой открытой и искренней улыбкой.

– Но, прости, Кати, что ты хотел спросить? А то бабушка шутить шутка не вовремя.

– Шутите, мне нравится, – улыбнулась я. – Ой, шути…

– А вопрос твой?

– Я удивилась, бабушка, что все вокруг тебя слушаются. Я читала о Грузии, что тут наоборот, как и везде на Кавказе: мужчины главные, а женщины на вторых местах.

– Глянь в окно, Кати, – сказала бабушка.

Я послушалась. Вдалеке на фоне тёмной зелени гор возвышалась монументальная статуя метров двадцать высотой. Величавая женщина из белого камня держала в левой руке чашу, в правой – меч.

– Мать Грузия, – пояснила бабушка, наклонившись ко мне, и подняла палец. – Видишь? Не отец, мать. И кто самый главный женщин святой у нас, а? Царица Тамар, во-от. Её даже не царица называли, а царь. И был он великий. Двое деток, муж умер, а он наш любимый страна с колен поднял. Ну есть ещё, конечно, Нино Буржанадзе в нынешний правительство, но это не Тамар, да-а…

– Ты, как царица Тамара? – спросила я, чувствуя, как от восхищения пробегают мурашки по спине, впитываются в глубинные слои кожи – как раз туда, где таится уважение. Трудно было поверить, что это моя бабушка!

Бабушка Алико кокетливо отвела глаза, а потом снова посмотрела на меня с лукавой улыбкой:

– Ну я такой, маленький царь, толстый немножка. Не Тамар, просто Алико, – и тут же сжала кулак с внушительным перстнем на указательном пальце, прямо перед моим носом. – Но они все вот где у меня. Честное слово даю!

– Я верю, – поспешно ответила я и слегка отодвинулась.

– Кати, скажи, у тебя муж есть? – спросила бабушка после минутного молчания, пока я разглядывала совершенно мистическую крепость с подсветкой, вырастающую из скалы. Ниже струились тёмные воды неизвестной реки.

При вопросе я вспомнила об Андрее и улыбаться расхотелось. Оставалось лишь пожать плечами.

– Пока нет… – и решила, что позже расскажу о перипетиях моей сложной личной жизни. Возможно, Андрей действительно жалеет о своём первом порыве – жениться. Не исключено, что он перепутал с любовью увлечение и благодарность за то, что я уговорила его бывшую жену оставить ему ребёнка без скандалов и судов. Наверняка так и есть. Он ведь даже не перезвонил. Скорее всего, Андрей уже передумал и даже рад, что я уехала, ведь я ничего не смыслю в воспитании детей, а фору мне дать не готовы. Впрочем, как и подсказку, что следует делать. А ведь я хотела, я так хотела!

В груди снова сдавило, в горле собрался ком слёз. Видимо, всё это отразилось на моём лице, потому что бабушка похлопала меня по плечу и заявила громко, как конферансье в Большом театре:

– Не грусти, мой сердце Кати, не грусти, ты красавица такой! А муж я тебе сам найду! Поверь бабушка!

– Может, лучше не надо… – опешила я.

– Надо! Такой красавица, умница, богатый невеста, обязательно надо! Настоящий грузинка знает себе цену, на сброд не разменивается. А ты самый настоящий грузинка, благородная кровь! Ты не бойся, Кати, я тебе лучший жених выберу, самый лучший! – и она чмокнула концы своих пальцев, собранных в горсть, как у нас на рынке кавказцы, когда предлагают купить виноград.

Но мне не нужен виноград: ни кишмиш, ни с косточками, ни сушёный! Однако, кажется, бабушка считала иначе…

4

Пока я метался между сбитой Маруськиной коленкой, стелланиновой мазью в ванной, желанием бежать на поиски беглянки и вернуть её в лоно семьи, дочь успокоилась и, хлопнув заплаканными ресничками, спросила:

– А где моя Катя?

Я бы тоже хотел знать, где. Одновременно со звонком в дверь на кухне тренькнул сообщением телефон. Вернулась, – выдохнул я и побежал открывать наперегонки с мыслями, что Катерина ведёт себя, как Маруська, и пора уже взрослеть, а не чуть что дверью хлопать. Открыл. На пороге стояла мятая консьержка с бумажкой.

– Мазефакер[1]! – вырвалось у меня. Не Ромашка.

– Вы меня с кем-то перепутали, – важно заявила консьержка. – У меня фамилия Иванова. – Сунула мне под нос лист со списком жильцов. – Подпишите, тут извещение о собрании жильцов. Явка обязательна.

– Угу, а не то газ отключите или выставите водокачку на торги? – буркнул я.

Консьержка моргнула, странно не знакомая с советским эпосом.

– Н-нет… но строго обязательно.

Мне только с ней сегодня не хватало попререкаться, так что я просто захлопнул дверь и рванул на кухню. Маруська стояла на стуле с недоумённо-виноватым выражением лица. Увидев меня, она всплеснула ладошками и сказала:

– Ой.

И ткнула пальчиком в открытую банку с майским мёдом. Я глянул и закашлялся. В светло-медвяной жидкости, как в кунсткамере Петра, плавал мой Айфон. Потеки по внешним сторонам банки и жёлтые пятна на белой скатерти подтверждали правильность закона Архимеда.

– Это не я, он сам… – сказала Маруська. – Я думала, там Катя…

– Надеюсь, Катю никто в банку не засунул, – хмуро ответил я и засучил рукава.

Извлечению Айфона из медового плена в Оксфорде не учили, поэтому тщетно пытаясь сохранить спокойствие, я поморщился и сунул пальцы внутрь. Скользили. Потом кисть наполовину застряла в липкой дряни в горлышке банки. Ни туда, ни сюда. Я б ещё туда голову впихнул!

Раздался звонок в дверь. Придерживая банку второй рукой, я бросился в прихожую, чтобы снова узреть консьержку и соседку из квартиры напротив.

– Подписывайте. Или есть свидетель, что вы отказались, а я свою работу выполняю хорошо! – звонко прогундосила консьержка.

– Занят я!

– Да, что же вы, Андрей Викторович? Вы и в таких мелочах не соблюдаете правила! И кричите постоянно, – мерзко вторила соседка. – Даже роспись для вас поставить – проблема.

– Вам заняться нечем? – рыкнул я.

– Есть. Но я ответственный квартиросъемщик. Может, ваша жена распишется? – не унималась соседка. – Единственный приятный человек из этой квартиры. Здоровается так вежливо. Её позовите!

Объяснять этим курицам, куда исчезла Катя, и орать при выглядывающей из кухни Маруське я не стал. На сегодня ей скандалов уже хватит. А бомбить хотелось. Поэтому я от души шваркнул своим «капканом» об угол двери, стекло треснуло, банка развалилась пополам, и мёд потёк широкой рекой на пол. Майское наслаждение! Я переложил липкий смартфон в

[1] Русифицированное английское ругательство

другую руку и, злобно зыркнув, забрал у оторопевших куриц ручку. Прилип к ней и к листку. Оторвал. Роспись Гринальди вышла смачная, мёдом на весь лист, который я им и вручил.

– Уведомлен. Свободны.

– Вы… в своём уме? – ахнула курица.

– А вы? – спросил я и снова захлопнул перед ними дверь. Слипнется. Ничего, ототру, когда эти слиняют от греха подальше.

Маруська уже крутилась под ногами.

– Мапа, мапа, а ты цалевич-лягушка?

– Почему это?

– Лукавом махнул, и мёдик потёк… А потом махнёшь, и лебеди будут?

– Нет, только мухи и тараканы, – выдохнул я, не зная, с чего начать.

Телефон однозначно умер. Всё в меду, в мозгу дурдом. Катерина пропала. Куда она направилась на ночь глядя? Или это от неё было сообщение? Чёрт… Надо срочно искать другой телефон и восстанавливать симку. Хоть бы это было от неё! А если чёртова реклама? Ненавижу рекламу! Ненавижу мёд! Ненавижу соседку!

– Маруся! Не смей мёд с пола слизывать!

– Ну мапа, он волшебный, ты же цалевич!

Скорее, кретин…

– Заколдованный. От такого козлёночком станешь. Или Винни-Пухом…

– Ула-Ура! Хочу Винни-Пухом! – обрадовалась Маруська и сунулась носом мне под пятки, куда натекла лужа от двери. Я за Маруськой. И прилип к её платьицу. Зашибись. Вот так и живём…

* * *

После мыслей о найме постоянной горничной во время возни с липкими тряпками, мечтах о круглосуточной «Арине Родионовне» для моего вездесущего гения в пижамке, личного секретаря и швейцара ко всем чертям, проектов о покупке замка подальше от всех куриц и о том, где взять на это деньги, после ожидания курьера с новым телефоном и симкой, битвы с ВотсАпом и забористой ругани в голове, наступило ледяное отупение. Маруська уснула, а я сидел в кресле и тупо смотрел на шот с виски. Дожились.

«Я улетела в Грузию. Одна. Как ты хотел…»

Это всё, что она мне написала! И отключила телефон. Поверить не могу.

Она меня бросила?.. Меня?! Нет, не просто меня, а нас вместе с Марусей – той, за которою готова была квартиру отдать?! Не укладывается в голове, нет. Не могло такого быть априори.

Я не понимал, что ей взбрендило. Я бесился. И оттого волнами накатывала злость.

«Как ты хотел»…

Да не хотел я! Чем она вообще слушает?! Кажется, у Ромашек попа с ушами рядом расположены. И потому сигналы постоянно путаются, и с расшифровкой беда… Чего ей вообще нужно?! Я поперёк родного отца иду, бьюсь, показываю, что выбрал ЕЁ! Говорю, что женюсь, даже если мир встанет на уши, а ей мало?!

Да, мало…

Под лопаткой заныло. Неужели повторяется история с Ланой? Та тоже сначала была совсем не стервь, просто весёлая красотка. Ну, дура, конечно, но сексуальная и офигенно соблазнительная… Теперь от одной мысли тошнит. Но поначалу Лана в рот заглядывала, запойно целовалась и немножко капризничала.

Хотя глупо сравнивать, Катя была совсем не такая. И решил я жениться на ней, потому что не просто секс, как с Ланой, был зашибенным, не потому что случился залёт, а просто в душе чувство возникло – будто домой приехал. Отпустило, сошлось, щёлкнуло, и любовь. А тут нате вам: «*Ты хотел!*»

Чего б разбить?

Да я хотел её к себе прижать и ласкать всю ночь – от пушистых волос до узких пяток, грудь целовать, ощущать её тепло. Наблюдать, как в ней увлекательно переключается скромность на невинную распущенность, как в механической коробке скоростей – стоит нажать на нужную точку…

Я хотел, чтоб она тихонько смеялась и смущалась от глупостей и от моих шуток. Я хотел чувствовать себя страшно богатым, глядя на двух похожих друг на друга кудрявых красавиц: трёх и двадцати семи лет. И чтоб никто не догадался, что Катя не мать Маруське. Хотел я… Кретин!

И снова закипел: и чтоб от меня уходили?! Да никогда такого не было! Лану я сам выставил, когда довела. О прочих вообще молчу.

Я думал, мы с Катериной уже вместе на всю жизнь… А она так просто встала и ушла. Я глотнул вискаря, горло обожгло. Но ещё больше ошпарило обидой, как кислотой полоснуло. Гордость прищемило по самое не могу. Я встал и принялся шататься по квартире, как разбуженный медведь, жалея, что не могу разнести чего-нибудь – Маруську разбужу…

Я был зол донельзя.

А потом, когда лёг в кровать, вдруг ощутил, что обнимать не кого. И меня накрыло – хоть вой. Глядя в холодный белый потолок, сизый ночью, я вдруг понял: она обиделась. Потому что задел за что-то живое, я же и в отношениях медведь. Мне даже мама про это говорит. Но кто угодно наорал бы в ответ, а Катя тихо ушла. Потому что Ромашка. И ведь я это знал…

Горло свело.

Моя Ромашка. Никому не отдам! Если надо, и с бабушкой её повоюю. Я вообще первый её нашёл, и нечего тут.

* * *

Утром приехала мама из Сочи, я вручил ей Марусю, поцеловал обеих. Сел на такси и помчался в аэропорт. Хотелось в Тбилиси, но пришлось лететь в Шанхай – мусолить мысли десять часов полёта, засунув ноги в одноразовые авиа-тапочки и подушку бубликом под голову. С каждой милей прочь от ромашки скучать по ней всё больше. Потом нудиться среди китайцев, через не хочу выбирать товар, шарахаться от копчёных куриных лап на каждой улице, обжигаться переперчёнными морепродуктами, улыбаться натужно партнёрам через переводчика и понимать: это неправильно, не так должно быть. И я не там.

Но всё, что был должен, я выполнил. И выполнил хорошо. Договор подписал, китайцев окучил, товар выбрал, схему поставок утвердил. Задёргал девиц из закупок фотографиями и ссылками на ассортимент. Что ни говори, а они лучше меня в деталях разбираются. Аня, так вообще товар чувствует, будто у неё подкожный сканер на продажи вставлен. В следующий раз она и поедет, потому что главное я сделал, а прочее – уж точно не моё. Я вообще не очень смыслю в этих ручках, ластиках, наклейках для девочек-подростков и новогодних украшениях. И не люблю это. Но ответственность никто не отменял – надо было, значит, надо.

Однако из Москвы, доложив отцу по Скайпу о финальных результатах, я сказал, что задержусь. Маму предупредил, с Маруськой посюсюкал, вспомнив, что забыл ей купить обещанного дракона. И поменял билеты. Запасшись терпением, от которого суставы ломило, надеждой и тоской по моей Ромашке, я дождался своего рейса и полетел в Грузию.

Решил: нагряну, как снег на голову. Без звонка. Адрес старушенции у меня есть, с остальным разберусь. Правда, всю дорогу волновался, как пацан. Тревога зашкаливала – в Оксфорд так не поступал, как сейчас, – с холодком по спине.

Как меня встретит Катя? Обрадуется? Удивится? Рассердится? Как ей всё объяснить? Растолковать так, чтобы поверила и не взбрыкнула снова. По-своему, по-интеллигентному, как песок сквозь пальцы…

Я был готов на что угодно, лишь бы опять увидеть её! И поскорее! А потом забрать.

Если отказываться будет, похищу, а после уже начну уговаривать. На Кавказе это принято, я читал…

5

Всё в бабушкином доме было монументальным и масштабным, начиная от ворот, почти кремлевского забора и крыльца с шестью колоннами, и заканчивая особняком с тремя округлыми башнями и лесопарковым хозяйством, который бабушка назвала «садиком». В бассейне плескались карпы, кусты можжевельника вдоль дорожек были подсвечены, как возле гостиниц на побережье. В холле на стене висело огромное панно. Родовое дерево, вырезанное из дуба, уходило корнями аж в восемнадцатый век. Немного громоздкое, как фигуры на картинах знаменитого Пиросмани. На табличках под ветвями были грузинской вязью выведены имена и даты.

Бабушка Алико торжественно ткнула пальцем в верхнюю ветку и заявила:

– Там ты теперь будешь. Завтра скажу мастеру, чтоб табличку делал. И потом детки твои. Всем места хватит.

Ох, как ей сказать, что с детками у меня проблема? Лучше не сейчас, – решила я. – Вот завтра, в спокойной обстановке и поговорим, ведь уже поздно и наверняка пора спать…

Но больше ошибиться я не могла, ибо спокойная обстановка так и не наступила. Бабушка Алико радовалась. Бабушка радовалась настолько, что созвала разделить свою радость сначала родственников поближе, из которых я узнала строгого Бадри и вполне себе симпатичного Отари. Он, кстати, оказался моим троюродным братом, а не кузеном. Потом родственников подальше. Потом совсем дальних родственников и, наконец, соседей. Последними удостоились встречи со мной бабушкины знакомые и партнёры. Я не успевала раскланиваться и быстро распрощалась с попыткой запомнить имена и лица. Тем более, что мало кто говорил по-русски, особенно молодёжь. С молодым поколением спасал английский.

Бабушка была активна, как динамомашина. Очень странно было чувствовать, что мной гордились. Почти как медалью с Олимпиады, которую поворачивают вправо, влево, натирают рукавом с любовью и снова показывают. Пожалуй, это было впервые в моей жизни.

– У мой внучка высший образование. Полиглот. Четыре языка говорит, – сообщала бабушка каждому и продолжала гортанно на непонятном языке, который, видимо, мне теперь тоже придётся добавить в копилку.

Я совершенно правильно не взяла с собой старые вещи, потому что уже на следующий день знакомств мне требовались новые – на размер больше. Завтрак переходил в обед, обед в ужин и так далее. Я поняла, что термин «кавказское гостеприимство» ничего не значит, если вы его только слышали, но не испытывали на себе действительный размах.

Не спрашивая, ужинала ли я и вообще принимаю ли пищу после шести, бабушка с порога привела меня прямо в каминную залу с высокими окнами, паркетом, картинами на стенах и с накрытым столом, за которым можно было накормить помимо всех родственников полк случайно найденных внучек и ещё дюжину. В день приезда зала была полна близкими родственниками, из которых я запомнила немного демонического в своей привлекательности двоюродного дядю Уго с посеребрёнными висками и итальянской бородкой; его некрасивую жену, тётю Нино и бабушкиного брата Вахтанга, старенького, но осанистого, с бородой и аристократичностью горского князя. Я отметила интересный факт: когда кто-то пробовал говорить по-русски, сразу становился проще на вид – видимо, из-за акцента. Но переходя на грузинский, все выглядели горделиво, хоть и радушно. Улыбались мне все, кивали, изучали и приветствовали так, что я терялась. Только дядя Уго говорил абсолютно без акцента и потому просто не выглядел, даже отправляя лепёшку в рот.

– Маленький мой, – приговаривала мне бабушка, причмокивая от удовольствия языком, – попробуй, это хачапури. Самый вкусный грузинский пирог. Вай, какой там си-ир, самый свежий, яичко от весёлый курица, домашний, что под солнышком бегал. А вот пхали, – показы-

вала она на зеленоватые, почти белые и рубиново-красные шарики, выложенные на огромном блюде и украшенные зёрнышками граната. – Очень вкусно! Овощи и орех. На хлеб намазывай или вилочкой ешь. Лобио у нас самый лучший в Тбилисо! Чахохбили, мой сердце, чахохбили обязательно попробуй.

Я послушно пробовала сначала всё, что предлагали – не вежливо было отказываться. Но потом поняла, что змейка на юбке сзади уже потрескивает и вот-вот разойдётся. Упс… Я натянула пиджак пониже. Сейчас бы и спать пора ложиться, а то скоро ни вздохнуть, ни выдохнуть не смогу. Но, как выяснилось, всё только началось!

Сочный шашлык крупными кусками, украшенный колечками лука и алым перцем, овощи, запечённые на мангале, и свежие, блюда на сковородках, блюдах и в горшочках, пахнущие ароматными специями, угрожали масштабностью пиршества превратиться в катастрофу, потому что не заканчивались. Наоборот, юноши, похожие на официантов, подносили всё новые и новые.

– Кушай, мой сердце, кушай, – говорила сочно бабушка Алико, – такой худенький, травинка просто!

Это я-то?! С моим сорок шестым размером?! Однако еда была только половиной беды.

– Я не пью вина, спасибо! – вежливо сказала я официанту.

Бабушка сделала круглые глаза и ахнула:

– Вай ме, ты больной?!

– Нет…

– Маленький ждёшь?! – её глаза радостно скосились на мой покруглевший живот.

– Нет…

– Тогда как не пьёшь! Это же родной лоза. Виноград – сахар! Чистый, как родная кровь, сладкий, как солнце! Весь любовь мой там. Пей!

Ну как тут отказаться?

Я пригубила. В голове закружилось от отсутствия привычки к спиртному. Отари предложил баклажаны на шпажках. Я мотнула головой. Бадри подлил мне в бокал. Тщательно коверкая русские слова, двоюродный дедушка произнёс цветистый тост:

– Одна маленькая, но гордая птичка, – начинался он, а остальное вместе с орлами, мудростью и парафразами, тотчас мною забылось. Потому что налили ещё, и пришлось снова выпить.

Вспомнился Андрей, захотелось плакать. Я попыталась ему позвонить, но сумка моя куда-то исчезла, возможно, была убрана заботливыми официантами.

Бабушка снова показывала на меня и говорила торжественно что-то на грузинском. Родственники широко раскрыли глаза. Я моргнула, а бабушка повторила на русском:

– Мой драгоценный внучка Кати теперь мой прямой наследник. Я хочу, чтобы все это знали и уважали Кати, как меня сам. И помогали. Потому что теперь она – наш семья. Встань, Кати.

Я встала, оторопев от торжественности. Все взгляды были устремлены на меня, а я этого не люблю. Мне в такие моменты очень хочется юркнуть под стол и сказать, что я ничего такого не сделала. Я вообще тут случайно и не виновата…

Но спрятаться было невозможно, ибо бабушка Алико прижала меня к себе тёплой большой рукой и заявила, взмахнув бокалом:

– Выпьем же за мой кровь, который потерялся и теперь тут, с нами! С наш семья! И от сейчас и потом всегда будет тут! За мой любимый внучка Кати! За будущее нашего компания «Санатрело»! Ваша-а-а![2]

[2] Ура по-грузински

Дружно громыхнуло «Ваша», аплодисменты, улыбки. Послышался звон бокалов и одобрительное «Вах»! А Андрею я не нужна… Ну, ничего, зато здесь мне рады! – вздохнула я, покачнулась на каблуках и почувствовала опору.

Оглянулась, это был Отари, такой милый молодой человек. Он, пожалуй, мой ровесник. И Гига, бабушкин помощник, тоже очень симпатичный, так смотрит на меня, словно я на самом деле красавица. И Бадри… Нет, Бадри мне так себе, что-то есть в нём опасное. Но мужское внимание показалось даже приятным… Однако зачем мне всё это? Где мой Андрюша, я же его люблю! А он меня предал! Так не разговаривают с теми, кого любят!

Я разозлилась, но продолжала улыбаться и Отари, и Бадри, и Гиге, а главное – бабушке. Мысли уже путались, однако даже сквозь пелену опьянения и вновь грянувший грузинский хор, я заметила стоящего напротив нас дядю Уго. Он улыбался в аккуратную, европейскую бородку, безупречный, элегантный, красивый. Но сколь бы нетрезвой я ни была, у меня меж лопаток пробежал холодок – натуральный Мефистофель. Пожалуй, у старшего Жирафа, Виктора Геннадьевича, взгляд был добрее даже тогда, когда он распекал меня на все лады и кидался папками. Или мне всё только показалось?

6

Грузинское вино обладает волшебной силой: при должной дозировке море становится по колено, а земной шар – с футбольный мячик. Выпив очередной бокал за семью и «драгоценный находка», я осмелела. Сколько страдать-то можно, а?! Сколько себя сдерживать? Душа рвалась самовыразиться. Мужской хор как раз закончил петь что-то красивое и протяжное. Наверное, о том, как была большая любовь и все умерли. Я встала на нетвёрдых ногах и сказала:

– Дорогая моя бабушка, дорогие все! Я так рада, что нашлась! Прямо очень-очень! Вы такие хорошие люди! Замечательные, добрые, открытые! И я вас уже люблю! Я… – Я поняла палец, чтоб придать серьёзности собственным словам, а то вдруг не поверят. – Я вас так всех люблю, что сейчас спою!

И кивнула. Родственники зааплодировали дружно, переводя тем, кто по-русски не говорил.

– Давай, давай! – послышалось одобрительное или что-то вроде этого. В глазах зажглось любопытство. У дяди Уго с привкусом «Ну-ка, ну-ка».

«Ножки гну-ка», – ответила я ему мысленно, еле удержалась, чтобы не показать язык. Вот не нравится мне этот дядя! Все нравятся, а он нет! Хоть и красивый…

Я кашлянула в кулак, расправила плечи и отхлебнула ещё красной терпкой жидкости из бокала. Змейка на юбке издала подозрительный звук. А, и ладно, у меня булавка есть! Давно я, конечно, не пела – соседей было жалко и стаканы. Но эти грузины такие милые! Тоже поют. Не то что сицилийцы… Грузины не испугаются. И чтоб уж не разменяться по мелочам, я заявила:

– Русская народная. Почти. Ну, вы поймёте…

И как грянула оперным альтом пониже, чем Елена Образцова[3]:

«*Туча со громом сговаривалась:*
Ты греми гром, а я дождь разолью…[4]»

Обычно мало кто ожидает баса из моего неспортивного тельца, вот и грузинские родственники замерли и расширили глаза. Но меня это только подстегнуло. Я провела рукой вокруг себя, как героиня былинных сказок, и продолжала:

«*Выйдут де-евки по ягоды…*»

Кажется, здесь девки туда не ходят… Судя по лицам. Или не девки, или ягод нет. Ну ничего, есть же кизил, хурма, мандарины, чурчхела в конце концов… Я изменила слова на ходу, и меня было уже не остановить. На крыльях вдохновения и всех винных парах я с разгону перешла на припев на верхних октавах, распевая и за оркестр, и за Леля, и даже слегка пританцовывая. Жаль, песенка была короткая, душе не хватило.

Не успела ошеломлённая родня оправиться и начать хлопать, как я подняла руку и сказала:

– Минутку. А теперь из современного. А то решите, что я старой бабушки кафтан…

– Какой кафтан? У меня нет кафтан, – удивилась бабушка Алико.

– Будет, – заверила я её. – Я умею шить, хоть и не люблю.

---

[3] Российская оперная певица

[4] Третья ария Леля из оперы «Снегурочка» Римского-Корсакова

Поклонилась направо-налево, и помогая себя руками и раскачиваясь под проигрываемый в голове аккомпанемент, я начала любимого Кипелова.

«… свободна стану я
От зла и от добра…»
«Я свободен!»

Потом без паузы перешла на знаменитый дуэт из «Призрака оперы» в версии рок-группы «Nightwish», выступая и за Кристину, и за призрака, играя их в лицах. Душа у меня развернулась. Глаза родственников увеличились. Наверное, удивлялись, что я такую длинную арию наизусть знаю.

Музыкального сопровождения не хватало, но я очень ритмично помогала себе руками. Мне было хорошо, и я разошлась вовсю, а на завершающих аккордах партии Кристины на верхних нотах так дала мощи, что кто-то охнул, дедушка Вахтанг зажал уши и, покачнувшись, отсел от стола на диванчик у стены, бабушка Алико крякнула, пустые бокалы на подносе официанта лопнули разом. Ой…

Я тотчас прекратила петь и сказала обычным голосом:

– А у вас веник есть? Я подмету.

Мне никто не ответил. В гробовой тишине семейство Кавсадзе взирало на меня ошарашенно. Может, лучше было Металлику исполнить? Но глянув на замершие лица, я сообразила:

– К следующему разу я «Сулико» выучу, обещаю.

– Ва-ай, какой молодец! – проговорила, наконец, бабушка Алико и начала хлопать.

– Только микрофон мы тебе не подарим… – произнёс с улыбкой дядя Уго.

И остальные ожили. Зааплодировали недружно, заговорили. Дедушка Вахтанг отнял от ушей сухие ладони и с опаской взглянул на меня. Душа рвалась продолжить праздник, но привычка вести себя прилично заставила поклониться и сесть обратно на стул. Хотя так и подмывало вскочить и продолжить. Я в сад могу выйти для безопасности. Бабушка причмокивала и качала головой, что-то важно говоря на грузинском окружающим. Хвалила, видимо.

Я и не то ещё умею! Жаль, веника мне никто не дал. Зато подложили шашлыка в тарелку и сказали:

– Очень хороший закуска! Кушай, дорогой.

А в глазах строгого доныне Бадри, вспыхнул такой огонь, что я внезапно поняла, что этот молодой человек напротив мне не просто родственник, а прежде всего мужчина. Красивый, между прочим, хоть и хищный. Широкоплечий, статный, высокий. Со смоляными волосами, с правильными чертами лица, немного похожими на утонченного дядю Уго, но более мужественными и прямолинейными, как если бы Макиавелли упал в детстве на голову кирпич, и он стал вдруг рыцарем-правдолюбцем, скакал по горам вместо того, чтобы хитроумничать в государственных делах. Горбинка на носу была едва заметной и моего троюродного брата совсем не портила. Повезёт же кому-то из девушек!

Я улыбнулась Бадри в ответ на открытое восхищение.

– Вы, Катерина, великолепно поёте, – послышалось рядом на английском. – Такая хрупкая девушка, и такой сильный звук!

Я обернулась. Это был Гига, аристократичный помощник моей бабушки, в чёрном пиджаке и белой рубашке – почти как жених на свадьбе.

– Вы где-то учились? – спросил он.

– «Мы все учились понемногу чему-нибудь и как-нибудь», – ответила я цитатой Пушкина в вольном переводе и хихикнула: – Вообще странно, что вы тут больше не говорите по-русски. А как же «Мимино», Кикабидзе, «Я тебе один вещь скажу…»?

– С субтитрами. У нас теперь не обучают в школах русскому. Зато вся молодёжь свободно владеет английским. Но, я думаю, прекрасная Катерина, – с видом искусителя сказал Гига, – что у меня теперь есть повод выучить ваш удивительный язык.

– Вам Римский-Корсаков понравился? – спросила я, играючи проводя пальцем по краю бокала.

– Нет, вы, – сверкнул глазами Гига.

– Зато я уже говорить по-русски, – пробасил кто-то рядом, и тень упала на меня справа.

Я вскинула глаза. Это был Бадри. Я не заметила, как он так быстро обошёл заставленный яствами стол, родственников и официантов. Я даже отпрянула, наткнувшись лопатками на спинку стула, таким мощным он показался мне вблизи. Развернув мой стул в противоположную от бабушкиного помощника сторону легко, как фарфоровую чашку, Бадри сел рядом на освободившееся от сбежавшего дедушки Вахтанга место и взглянул на меня, продолжая восхищаться.

Вот я какая, оказывается… И любят меня, и ждут, а тут ещё и восхищаются. Загордиться недолго. Бадри рассматривал меня так, словно только-только обнаружил, а до этого за столом сидела не я, а тень невесты Гамлета. Взгляд его крайне смущал. И потому я хмыкнула:

– А на китайском вы умеете?

– Нет пока, но если вы захотеть, заговорить и на китайском. Желание красивая женщина для горца закон, – уверенно ответил Бадри, расправив плечи, за которыми мерещилась бурка.

– Даже если вы только брат? – спросила я, инстинктивно отодвигаясь поглубже в стул и слыша, как предательски трескается змейка на юбке.

– Братом прекрасной девушки быть почётно, а сводным особенно. Я приёмный сын вашего двоюродного дядюшки Уго, – заявил гордо Бадри, вцепившись в мои губы глазами.

Я моргнула. Он улыбнулся. И стало мгновенно ясно, что нечто мефистофельское в нём всё-таки есть. Даже с избытком.

7

В Грузии просыпаются поздно. Не знаю, кто мне это сказал, но вспомнилось. И хорошо, потому что когда я приоткрыла глаз, солнце за окном стояло в зените. Странно было, что лежала я наискосок на белых простынях огромной кровати в по-королевски просторной светлой спальне, в которую хоть убей не помню, как попала. В голове раздавались канонады, а хаотичные мысли лопались с треском, как мыльные пузыри. Одна из них – вместе с хлопаньем рукой по пустой кровати: «Где Андрюша? А Машенька почему не разбудила?» Затем пришло понимание, что их нет рядом и не будет. Сердце сжалось до комка в горле. Вчерашние события закрутились в голове калейдоскопом. Ссора, самолёт, застолье, чужая родня, как будто бы моя. Или правда моя? Красавец Бадри со жгучим взглядом, настойчивостью и акцентом. Гига, говорящий комплименты… О, Боже! А что было потом? Кажется, я даже танцевала. Вот только с кем? Господи, а спала с кем? Хоть не с одним из них? Сердце подпрыгнуло и упало комом в желудок, внутри всё сжалось. Я не могла, нет! Я Андрюшу люблю, хотя он меня, кажется, нет… Обрывком вспомнился светящийся экран телефона в темноте. Полное отсутствие звонков, смс, и надежды.

Захотелось натянуть на себя одеяло и больше вообще никогда не показываться на белый свет. Но главное – всё нутро сверлила мысль: как я без них? Может, я сделала глупость, надо было перетерпеть и сразу простить моего царевича? Но как же, ведь он… А любил ли он меня вообще? В глазах зачесалось.

Разрастись депрессии махровыми кистями, как паутине по углам, никто не позволил.

– Дорогой мой Кати, ты сегодня пить немножко меньше, – послышался рядом голос бабушки Алико.

Я выглянула из-под одеяла.

– Гамарджоба, мой сердце! – такое тёплое раздалось, словно правда о моем сердце шла речь.

– Доброе утро, – пробормотала я, разбитая, как тележка римского императора после скачек по азовскому бездорожью – что он только тут забыл тысячи лет назад…

Нос учуял потрясающий аромат свежесваренного кофе. Я села на кровати, всё поплыло. В голове раздались новые залпы, перед глазами засверкало.

– О-о, бабушка, – простонала я, хватаясь за висок. – Я больше совсем пить не буду, можно?

– Ну как совсем? Совсем нельзя, а немножко-немножко сам Бог велел, – улыбнулась бабушка, поправляя складку просторного чёрного платья на широкой груди. – Он нам виноградную лозу послал. Не знаешь разве?

Знаю-знаю, в Библии было, только разве там речь шла о похмелье? Ни слова об этом не помню. А ведь оно есть.

Бабушка села в белое кресло напротив моей кровати. На круглом столике рядом стоял серебряный поднос с фарфоровым кофейником и двумя изящными чашечками, наполненными живительной жидкостью – кофе. Вот что на самом деле придумал Бог! Даже от запаха легче становится. На тарелочке бодряще желтели нарезанные аккуратно дольки лимона. Хм, вспомнился отчего-то Воланд из «Мастера и Маргариты», который подсовывал директору варьете в подобном состоянии запотевшую рюмку водки, хрусткий огурчик и паюсную игру. Я глянула на бабушку Алико. Она, конечно, женщина была солидная, но совсем не из воландовской группировки. Вон как по-доброму улыбается. Даже с сочувствием.

– Крепкий кофе поможет, Кати. Выпей, – сказала она.

И я послушалась. Потянулась к полупрозрачной фарфоровой чашечке и вдруг опомнилась: ой, а в чём я? В одежде спала?!

Глянула на себя и, обнаружив лифчик и полоску голого тела, дёрнулась прикрыться. Хлюп, и пятно чёрного кофе расползлось коричневым разводом на белом пододеяльнике. Ну какая же я неловкая! А бельё явно дорогое…

Во рту пересохло.

– Я сейчас застираю…

– Вай, пусть! Отбеливатель есть и горничная, – махнула рукой бабушка Алико. – Садись. Пей кофе.

– Но… прости, бабушка, я не хотела… честно, я… – при этом я пыталась поставить кофе обратно на блюдце, чуть не перевернула его, разбрызгала каплями кофе мраморную столешницу. Выронила одеяло, выставив напоказ еще и трусы, залилась краской, бормоча извинения и растерялась окончательно.

– Стоп! Сядь, Кати! – вдруг скомандовала по-генеральски бабушка Алико и ткнула указующим перстом на кровать.

Я моргнула. И замерла, как сурикат, лишь напоследок успев прикрыться пододеяльником. На внезапно грозном лице моей новоиспеченной бабушки, больше похожей на хорошо питающуюся царицу Тамару в летах, вновь появилась улыбка.

– Спокойно, Кати. Торопиться не надо.

Я кивнула.

– Простите, бабушка.

– Сердце мой, мы же договорились, что ты мне на «ты» говоришь.

– Да… – вздохнула я, повесив раскалывающуюся голову. Вспомнились треснувшие тонкие бокалы от моих вокализов. Как я ещё случайно не разнесла колонны в холле? Хотя, кто знает, что в том тёмном провале моей памяти, возможно руины и оглохший дедушка Вахтанг?

Бабушка достала откуда-то салфетку, вытерла пятна от кофе на столике, поставила ровно мою чашечку и подлила ещё из кофейника.

– Пей, сердце мой.

– Спасибо. – Но чашку в руки не взяла. Опять пролью.

– Ты что, маленький, расстроился?

Я мотнула головой и виновато улыбнулась. Бабушка Алико поднялась с кресла, слегка кряхтя. Взяла кофейник, подошла к изножию кровати. И вылила всё на матрас. Я отпрянула и вытаращилась на неё:

– Бабушка?!

Она весело махнула рукой:

– Давай сюда тоже свой чашка лей.

– Ой, зачем?!

– Ещё мой девочка из-за пятна будет расстроенный! Такой ерунда, вайме, а ты плакать!

– Я не плакать, – ответила я, ещё оторопев, но чувствуя, как что-то тяжелое из груди постепенно расходится.

– Почти. Я не глупый, хоть и говорить с акцентом. Вижу всё, – ответила бабушка и подмигнула: – Лей, давай, девочка! Можешь и чашку разбить.

– Совсем?! – удивилась я.

– Совсем. На маленький такой, маленький черепки!

Я даже рот открыла, совершенно изумившись, а потом глупо хихикнула:

– Жалко, красивая чашка.

– Тогда лей.

– Не могу…

– Почему? Рука болит?

– Это невежливо. И не интеллигентно.

– Вах! – воздела руки к потолку бабушка Алико. – Ты говоришь, что твой старый бабушка, мать твоего отца, невежливый?!

– Н-нет. Не обижайся, бабушка, это всё я! Я такая неловкая!

Бабушка подняла вверх указательный палец, слегка завернув руку, словно хотела просверлить потолок. Потом отошла к двери и распорядилась о чем-то на грузинском. Подошла ко мне решительно, как тихоходный танк, вручила в пальцы чашку и ткнула пальцем в постель.

– Лей, дорогой. Матрас тоже не жалко. У меня еще есть.

– А кровать?

– И кровать есть. Что нам тот кровать?!

Я растерялась, от принятия важного решения меня спасла пожилая женщина в платке и длинном платье, словно из фильмов Данелии. Она с грохотом втиснулась в дверной проём объёмным задом. Потом развернулась, довольная, краснощёкая, и оказалось что у неё в руках поднос с ещё одним кофейником. И вином в кувшине. Бабушка забрала у неё поднос и выпроводила гортанно. Женщина кивнула и скрылась, плотно прикрыв дверь.

– Ну что, сердце мой, пить будешь или лить? – опять подмигнула бабушка на чашку в моих руках.

Её глаза лукаво светились, словно искорками, которые высекали дьяволята. Это было заразительно. И незаметно мои губы сами растянулись в улыбку. Я отхлебнула крепкого кофе, завернулась в ещё живое одеяло. Бабушка Алико подмигнула снова, подначивая. Показала жестом и рассмеялась. Ну, я и вылила остаток кофе на матрас. Одному Богу известно, на чём я потом спать буду…

– Давай ещё!

Бабушка подлила мне кофе в чашку. И себе. Мы отхлебнули одновременно. И потом одновременно плеснули на матрас остаток. Я смущенно, она довольно, как рыба-кит. Кофейные разводы на матрасе изобразили загадочный рисунок. Я прыснула тихонько, поджимая под себя от смущения ноги:

– Гадать можно на кофейной гуще.

– Вах, и правда! Ну расскажи, сердце мой, что ты там видишь? – смеясь, потянулась вперёд бабушка Алико так, что я почувствовала её дыхание над ухом.

Я закусила губу, чувствуя, как от хорошего кофе в голове успокаивается артиллерия. На душе расходились тучи и посветлело. В кофейных пятнах на белом четко вырисовывалась полная фигура в длинном платье.

– Тебя, – улыбнулась я.

Бабушка без долгих слов обняла меня, и окутала своим домашним теплом с запахом вина, пряников и французских духов. Чмокнула меня в макушку.

– Мой маленький Кати! Меня… Вах…

Кажется, она растрогалась. Я тоже обняла её. Она прижала меня к себе ещё крепче, а потом отстранила и заглянула в глаза, добрая, лукавая, большеносая, но вдруг родная. Разве бывает так сразу?!

– Кати, сердце мой, вот что тебе скажу, только ты немножко не обижайся: пятна эти все – что птичка накакал, невежливо, но правда! И интеллигентность, как ты говоришь, тоже птичкино дело. Главное, чтоб ты улыбался! Вот как сейчас. Чтоб сидел радостный и глазками сиял. Твоя папа маленький один раз сарай поджег. Думаешь, я его меньше любить стал?

Она заглянула мне в глаза.

– Нет? – удивленно спросила я.

– Нет. Он и собака во дворе в радугу покрасил, а я что? Тоже любил. И в школе директору на голову ведро воды вылил. И по всем выпускникам школы из шланга прошелся. Фанта раздобыл и душ устроил. Хорошо, не шампанский! А немного раньше мороджено всей улица купил из маминой заначка.

– Ого!

– Ого-гого, – кивнула бабушка Алико. – Твой папа весёлый был. Дедушка веселый был. И я веселый. Штука шутить всякий можем. И ты шути. Балуйся. А то кровь свернётся, скучный станет. А про меня не волнуйся немножко! Свой родной всё равно любишь.

– Но ты же меня совсем не знаешь…

– А зачем тебя знать, если сердце говорит? Вон ты на меня глазками Жориковыми смотришь, и сердцу тепло. Так что, Кати, не бойся шутка делать, ошибка, пятно всякий. Туда-сюда, всё проходит, а только в сердце остается правильно. Хорошо, Кати? Ты меня понял?

Как же мне радостно стало от её слов! Непривычно, просторно. Словно кто-то открыл в душе дверь из тёмного чуланчика, а там целый дом, светлый, солнечный, и весь мой. Может, это и называется свобода?

Бабушка осмотрела меня ещё раз и сказала:

– Юбка тебе Нани зашил. Вон на стуле висит. Блузка постирал, погладил. Потом ещё много новый купим.

– Да, я как раз хотела попросить в магазин съездить. У меня зарплата с собой.

– У меня тоже, – кивнула бабушка. – Такой большой зарплата, вах! Только пойдём сначала кушать немножко. Всё равно показ мод только в среду. Бадри нас отвезёт, уже вызвался. А пока хачапури-мачапури всякий скушаем, потом гости будут.

– Опять гости?! – ахнула я.

– А как же? Тётя Виола и муж её Сурик, армянин он, а она та ещё трещотка. Сыновья их с жёнами; Серго, Васо, Иракли, Отар, Вано… – и пошли имена вереницей.

Когда-нибудь я их запомню. Сначала запишу – хорошо бы обзавестись фотографиями. Но не сегодня. Сегодня у меня по расписанию свобода и кофе в постель. В буквальном смысле. Чёрт, а мне понравилось!

Я отхлебнула бодрящий остаток из кофейной чашки. Вкуснота! А потом выплеснула на несчастный матрас гущу, чувствуя себя потрясающе неприличной. Бабушка рассмеялась счастливо, будто только и ждала этого и захлопала в ладоши. Я тоже хихикнула. Хорошо, наверное, было быть моим папой? Не знаю, но мне уж точно сейчас хорошо!

8

Бабушка ушла раздавать распоряжения, и я осталась одна. Мне невероятно захотелось поговорить с Андрюшей, поделиться и сказать, что я отчаянно скучаю. Ведь несмотря на внимание новых знакомых и родственников, похвалы, приветствия, угощения, песни, мне не хватало именно его! В моей груди образовалась дыра, хоть я и улыбалась. Вот что значит воспитанность, привычка держать лицо, а под ним скрывать всё в себе, как приучила меня другая моя бабушка. Ох, надеюсь, я вела себя прилично во время того провала в памяти и действительно никак не проявила внешне, что я чувствую! Червячок сомнения зашевелился в душе. Это ужасно – не помнить! Я же всегда стараюсь себя контролировать, а тут… Впрочем, главным было желание снова услышать, увидеть Андрюшу. Я набрала его номер в Вотс Апе. Увы, он был оффлайн. Написала:

«Скучаю. По тебе и по Машеньке»

Подумала и приписала «Очень!!!» и набрала по обычному телефону. Плевать на роуминг! Увы, мой царевич был недоступен.

Я посмотрела на часы: Машенька, должно быть, в садике. Кольнула совесть: и её я, выходит, оставила, поддавшись эмоциям. Но волшебное действие «кофе в постель» ещё не развеялось, и я решила набрать домашний номер Андрюши. Мало ли, вдруг Алина Васильевна, няня Машеньки, ответит. Или горничная. Расскажет, как они.

Пара длинных гудков, и детский голос ответил:

– Алё…

– Машенька, Солнышко моё! – растаяла я. – Это Катя.

– А тебя почему тут нету? – спросила Машенька.

– Малышка, девочка моя, – растерялась я, – я к бабушке уехала знакомиться.

– Бабушка тута.

– У меня тоже есть бабушка. У тебя своя, у меня своя. Далеко, в Грузии.

– Поэтому дедушка сказал, что ты чужая тётя?

Боль захлестнула сердце снова.

– Не знаю, – на глаза сами собой навернулись слёзы. Я сдержалась и спросила: – А почему ты не в садике, Котёнок?

– У меня сопли.

– А папа на работе?

– Мапа полетел за длакончиком далеко-далеко. А дедушка с бабушкой лугаются, чем меня колмить. Ты плиедешь, поставишь мне мультики?

Я почувствовала себя предательницей.

– Приеду, малышка. Только не сегодня.

– Завтла?

– Может быть, я постараюсь…

– Плиежай. Я соскучилася. И мапа глустный.

И вдруг фоном раздался бас Виктора Геннадьевича:

– Маша, я же говорил: не бери трубку. Это взрослые должны делать! – и тут же послышалось раскатистое прямо мне в ухо: – Да! Я слушаю.

– Здравствуйте, Виктор Геннадьевич, – пролепетала я. – Это Катерина.

– Ах, Катерина? Ну здравствуй, – недовольно ответил он.

– Виктор Геннадьевич, я завтра же вернусь… Или сегодня, если получится. Просто меня очень хотела видеть бабушка, а Андрюша не мог…

– Можешь не торопиться! – отрезал старший Жираф. – Андрей в Китае. Потом летит в Москву и Питер. У нас горит расчет бюджета на следующий год. И закупки на школьный сезон. Андрей будет занят ещё долго. Поэтому Машу сегодня бабушка забирает в Сочи.

– Не нужно в Сочи, я вернусь и с ней буду!

– Всё уже решено без тебя. Веселись.

Сказано это было так, будто мне предлагалось с задорными песнями зарубить себя бензопилой, лично упаковаться и зарыться в песочном кургане.

– Я поняла. До свидания, Виктор Геннадьевич.

– До свидания.

Я положила трубку и совсем сникла. У них всё решено. Вспомнилось Андрюшино: «Моя семья, мой бизнес, мой ребёнок». Да, наверное, я и сама виновата. В английском есть такое выражение “overreacted”, то есть прореагировала с избыточной эмоциональностью. Но мне же правда было больно! А теперь ещё больнее – показалось, что за сутки меня вычеркнули из жизни, будто я и не существовала. Все, кроме Машеньки…

Я сглотнула слёзы. И ведь сердце подсказывало, что я рано радовалась. Пожалуй, вообще радоваться – опасно. И желать быть счастливой тоже. Я поводила пальцем по кофейной гуще на матрасе. Она больше не веселила. Я резко встала, пошла в ванную, закрылась там. Включила на полную воду и разревелась от души. Сидела и запойно ревела, даже не сразу расслышала стук в дверь.

– Кати, хороший мой! Ты там не утонул? – прогромыхала за дверью бабушка.

– Всё хорошо, – соврала я.

– Тогда выходи. Завтракать будем. Или уже обедать.

– Я скоро. Сейчас, бабушка.

Вытерла слезы, умылась холодной водой, привела себя в порядок. Нос в зеркале покраснел, дыра в груди стала ещё больше. Я улыбнулась резиново, пригладила ещё раз волосы. Открыла дверь и прошла в гостиную.

– Ай, не хорошо врать бабушка! – выдала мне бабушка Алико, едва увидела меня. – Ты почему опять плакал?

Я моргнула.

– Опять?

– От вина плакал. Сегодня плакал. Что такое? Тебе плохо у бабушка Алико?

– Нет-нет, всё хорошо.

Бабушка цокнула языком, снова ткнула пальцем в потолок и покачала головой. Пауза была неприятной. Из открытого окна доносились свежие запахи сада и, казалось, что где-то за забором море. Я думала секунд десять, а потом решила: а, и ладно, расскажу всё, как есть. Чтобы эта прекрасная женщина не чувствовала себя обманутой и не гордилась мной больше. Зачем? И эта радость всё равно кончится! Пусть уж сразу! Я набрала в грудь воздуха, высморкалась и выпалила:

– Бабушка, я не та, кого ты так ждала. Я обидчивая, закомплексованная, неуверенная в себе и эгоистичная, как говорила моя другая бабушка. Я ошибка моей мамы. Я постеснялась тебе сразу сказать, но у меня есть жених… или был…. кажется. Потому что его отец, Виктор Геннадьевич, против нашей свадьбы, и он сам, кажется тоже! Теперь не отвечает на мои звонки, смски после того, как мы поссорились. Я люблю его, его доченьку-малышку Машеньку люблю, но совершенно ничего не понимаю в воспитании. И поэтому сбежала почти, приехала без них, как дура, обиделась. И да, тебе некого будет пририсовывать на семейном древе, ведь я не могу иметь детей. Прости…

– Вайме… – охнула бабушка.

Точно разочаровалась. Я всех разочаровываю – у меня дар, мне даже можно гран-при выдать «разочарование года».

Шмурыгая носом, я прогундосила:

– Зачем тебе такая внучка? Ты можешь отправить меня домой, я пойму. Потому что гордиться тебе нечем. Я сама сегодня же куплю билеты обратно, если хочешь.

– Вайме, – повторила бабушка, покряхтела, пофыркала и крепко обняла – так, что аж дышать нечем стало. Мы постояли так молча, а потом бабушка запричитала: – Бедный мой, маленький Кати. Дурной немножка совсем, очень глупый…

Потом усадила на стул, сама села напротив и заявила:

– Я всё понял: этот твой царевич Жираф – тот ещё баран!

Я опешила и даже перестала плакать:

– А откуда ты знаешь про Жирафа?

– Ты сам вчера рассказал, – пояснила бабушка. – И мне рассказал, и Бадри рассказал, и дедушка Вахтанг… И Гига рассказывал, только он по-русски не говорить.

Ой… Стыдно-то как! А бабушка продолжала:

– Потом ты плакал и заснул. Пить сегодня вино немножко будешь. Мало-мало. А про Жирафа расскажи теперь подробно, а то вчера не понятно было. Все сначала думали: вай, какой жираф? В зоопарк ты, что ли, работаешь? Почему Старший Жираф, младший Жираф, а? Объясни бабушка.

Я вздохнула, вытерла платком нос и рассказала всё, как на духу.

– Ты только не обижайся, – сказала бабушка, – но ты, мой драгоценный Кати, тоже баран немножко.

– Да, – кивнула я.

– Мужчина критиковать при дитё нельзя-я, ни при ком нельзя. Это потом, в спальне скажешь: вай, дорогой, ты не прав, ты совсем дебил, где твой мозг был; чёрное – это чёрное, а не белое. Можешь даже поругаться сильно и побить немножка, но только когда вдвоём. А при всех, при дочке нельзя. Она отец уважать должен!

Я тяжело вздохнула в ответ.

– Любишь его? – уточнила бабушка.

– Очень. Но если он меня не любит, навязываться не стану. Я никогда не навязываюсь.

– Вах, гордый! Настоящий грузинка, молодец! – сказала бабушка.

Мда, настоящий грузинка, гордый, глупый, драгоценный баран – прекрасное сочетание, хоть «Золотое Руно» пиши заново. Бабушка подумала немного, затем покачала головой и хитро прищурилась.

– Ну я не знаю, что там твой баран… ой, прости, Жираф думает. Но положись на бабушка! Бабушка умный, весёлый, придумал кое-что.

– Что, бабушка? – удивилась я.

– Тебе не скажу, а то испортишь всё. Ты вон какой горячий: басом поёшь, стаканы бьёшь, слёзы льёшь. Положись на меня, мой сердце.

– А вдруг…

Бабушка округлила карие глаза.

– Ты мне доверяешь, дорогой?

– Да, – кивнула я, и почувствовала, что в сердце действительно есть к моей новой бабушке абсолютное доверие.

– Тогда делай, что говорю. И всё. А если Жираф совсем баран и не любит, нового лучше тебе найдём. Хочешь лев, хочешь зебра, хочешь антилопа Гну!

– Нет, не хочу нового, пожалуйста! – взмолилась я.

– Значит, этого завоевывать будем. Как царь Тамар! – торжественно сказала бабушка, грузно встала и потёрла руки: – А теперь пойдем кушать и хинкали лепить. Царь Тамар тоже лепил. Во-о-от…

9

Тбилиси встретил меня солнцем и запахом юга, правда не таким, как в Шанхае. Там влажнее гораздо. Здесь пахло распаренной хвоей и жасмином. Явно не Москва. И не Ростов даже. Чтобы у нас в мае, и жасмин?.. Голова слегка кружилась после долгих перелётов, сна наперекосяк и мыслей в кучу. Я вышел из аэропорта. Горы, зелень, таксисты.

Надо собраться. Мятым и несвежим я знакомиться не поеду. Так что я позволил возрастному водителю с носом толстого коршуна и кепкой-плацдармом поймать себя в сети, назвал адрес гостиницы, которую успел забронировать через Интернет, ожидая рейс. И поехал, сонно глядя в окно.

Вообще дурдом какой-то, если подумать. Я волновался так, словно мне предстояло увидеть не только эту проклятую старушенцию, но и Катю в первый раз. Как долбанный жених в средневековье, которому до алтаря невесту не показывали.

Айфон мой почил в бозе после медового СПА, пришлось купить новый. И вроде бы контакты с симки восстановил, но что-то пошло не так: Вотс Ап толком не работает, звонки принимает через раз, греется. Только из группы «Жираф. Закупки» сообщения приходят, а от Кати ничего. Или я тупой. Аж вспомнилось, как дед мне второго января пожаловался: «У меня Вконтакт сломался». «Как это?» – удивился я. Дед расстроенно вздохнул: «Новый год, а мне никто открыточки не прислал». Мне аж стыдно стало, хотя я думал, что телефонного звонка и приезда в гости ему достаточно. Теперь деду картинки шлю по делу и без. Пусть радуется!

Неужели Катерина так сильно на меня обиделась? Если бы моя мама так дулась на отца каждый раз, когда он орёт, я бы не родился. Думаю, и до зачатия бы не дошло. Хоть мама и говорит, что в молодости папа был другим, мне как-то не верится.

Я расстегнул пиджак и ослабил галстук.

– Тепло тут у вас, – сказал таксисту.

Клювастый нос радостно повернулся ко мне. Глаза засияли.

– Конечно, дорогой, а как же? Ты в Тбилиси приехал! А «тбили» означает «тёплый».

– Не знал, – равнодушно заметил я.

– Первый раз тут? – с воодушевлением представителя сетевого маркетинга отозвался таксист.

Я даже испугался, что сейчас начнет впаривать гипоаллергенный порошок, выгодные инвестиции в реконструкцию сарая или натяжные потолки со звездным небом, поэтому только кивнул. Чем вызвал ещё больший восторг.

– О, друг, значит, ты и легенду не знаешь, как город наш появился!

Я пожал плечами. Водиле уже и этого не надо было. Лихо руля и сигналя от души, он принялся рассказывать. Причем с таким упоением, словно за каждое слово ему по евро платили.

– Легенда есть. В один солнечный, как сегодня, день, отправился на охоту грузинский царь Вахтанг Горгасали. Конечно, со своим любимым соколом. И тут смотрит: фаза-а-н! Красивый такой птичка, большой! Царь Вахтанг выпустил охотничьего сокола, а фазан давай убегать. На крыльях убегать, не ногами, конечно. Ноги у фазана так себе, не очень крепкий. Сокол за ним. И туда, и сюда. Царь смотрит на них, волнуется. И вот птицы за гору залетели и… никого, – таксист сделал театральную паузу и большие глаза, а потом вдруг расцвел: – Царь, конечно, за ними поскакал. Искал-искал, искал-искал, жарко стало, устал даже. Вдруг видит: сидит его сокол около источника, а из того пар валит. И что ты думаешь? Что думаешь, было в том источнике?!

От избытка эмоциональности он стукнул меня по плечу. Я поморщился – не люблю такого панибратства.

– Ну что, скажи, что?! – не унимался грузин.

– Шашлык? – ляпнул я, чтобы отстал.

– Почти угадал, друг! Почти угадал! В источнике плавал фазан! – Голос грузина от восторга стал тонким – вот-вот сорвется на песню. – Представляешь? Сам упал. Сам сварился! Царь обрадовался очень…

– Ну еще бы! Не ощипывать, не готовить, – съязвил я.

– Правильно, дорогой! – продолжал радоваться грузин.

У меня зародилось подозрение, что я – первый его пассажир за неделю, иначе чего бы он так радовался?

– И что дальше? – спросил я из вежливости.

– Как что?! О! – таксист аж выпустил руль из рук, но, к моему счастью снова схватился и резко завернул на улицу, где дома были построены прямо на скале.

Живописненько.

– Царь Вахтанг обрадовался и велел баню построить вокруг источника. От той бани пошел целый квартал, потом ещё один, и ещё. И родился наш прекрасный Тбилисо! Вот как!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.